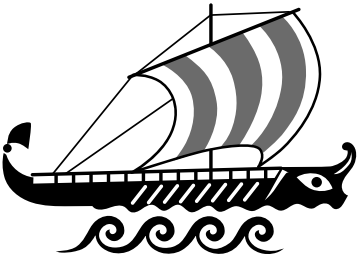
МАГИСТРАЛЬ

ГОМЕР

Одиссея

Москва

УДК 821.14-1
ББК 84(0)3-5
Г64

Художественное оформление серии *Анастасии Зининой*

Гомер.
Г64 Одиссея / Гомер ; [перевод с древнегреческого В. А. Жуковского ; примечания, словарь С. А. Ошерова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-242934-7

«Одиссея» — один из величайших памятников мировой литературы, эпическая история о долгом пути домой после Троянской войны. Следуя за Одиссеем через моря и неведомые земли, читатель оказывается в мире богов и героев, чудес и опасностей, где каждое испытание раскрывает силу разума, мужество и стойкость человека перед лицом судьбы.
Путь царя Итаки превращается в историю о верности и надежде, о силе человеческого духа и о непреходящей мечте каждого человека — найти дорогу домой, несмотря на любые испытания.

УДК 821.14-1
ББК 84(0)3-5

© Примечания, словарь. С. Ошеров. Наследники, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242934-7

Песнь первая

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов

Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
«Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет»,
так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там
ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?

Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно
враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!
Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельный легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;

В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден
за порогом; приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя
угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею
пищей».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были,
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он
поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,

Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им
в корзинах;
Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно
запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на береге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, — ему уж возврата не будет.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил
мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала

Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона
лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда
посещаешь
Деда, героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».
«Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.

Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь, конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя».
«Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином
Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».

С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь,
истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя,
что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахеян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный
Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,

Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную
пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони
на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно
дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отметивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг,
столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я».
«Милый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощался, гости друг друга дарили».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою

Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».
«Милая мать, — возразил рассудительный сын
Одиссеев, —
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь — с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;

К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных
служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите
ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить
к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться
на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
«Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!»
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними